

1989

Анна Ермолаева

В 16 лет, когда я училась в художественной школе, я связалась с диссидентской средой в Питере. ЛСХШ – это школа при Академии художеств, которая занимается ремесленничеством (в моем сегодняшнем представлении). Нас заставляли совершенствовать стиль, но искусства там, мне кажется, было мало, и я нашла другой круг интересов. Мне часто задают вопрос, занимаюсь ли я политикой? Я не занимаюсь политикой на этом уровне, но мне кажется, что в своих работах я трансформирую политические идеи. Я недавно разговаривала со своими подругами, пытаюсь выяснить их отношение к тому, что меня, 17-летнюю, и моих одноклассников таскали на допросы в КГБ по 70-й статье.

А моих родителей пытались заставить признать меня ненормальной, чтобы упрятать в психушку (нельзя было посадить в тюрьму, потому что я была несовершеннолетней). Одна из подруг сказала, что и представить себе не могла, что со мной такое случится: у меня семья такая... папа коммунистом был... то есть это был такой неожиданный поворот событий.

Я была одним из создателей партии «Демократический союз», и мы полтора года издавали в моей квартире «Демократическую оппозицию», орган «Демократического союза». Потом мы вышли из «ДС» и стали издавать наш журнал, но уже как культурно-политический орган. Мы втроем были из Питера: Владимир Яременко, Артем Гадасик и я, а Евгения Дебрянская – из Москвы. Улица Чайковского, 54, – это была наша квартира (30 м²), которая в свое время пережила 10-часовой обыск. Сейчас я пытаюсь забрать карты и архив, которые до сих пор лежат в КГБ.

В 1988 году возбудили уголовное дело по статье 70 – «Антисоветская агитация, пропаганда», – и начались допросы и обыски, потом был ордер на арест, но каким-то странным образом нам удалось выехать в Польшу. Мы не могли представить, что нас выпустят, но нас пропустили через границу.

Я уехала из Ленинграда в 1989 году. Это было ровно 20 лет назад, и сейчас моя самая актуальная работа посвящена этой истории. Но не моей истории, а истории женщины, которая нам помогла в Польше. Мы приехали в Польшу с маленьким рюкзачком, так как не рассчитывали, что переедем границу. У нас был один адрес в Кракове, и мы туда просто поехали. Женщина, которая никогда нас не видела, очень дружелюбно отнеслась к нам и к нашей истории и сказала, что поможет нам бежать дальше. Она нашла возможность переправить нас в Вену. Сняла все деньги со своего долларового счета и купила билеты на автобус до Вены, на котором поляки ездили в шоп-тур. На границе нас пытались вернуть, но чудом нам удалось переехать.

С этой женщиной я двадцать лет не встречалась, никогда не была в Кракове с тех пор, и вот сейчас мне захотелось ее поблагодарить – мне никто в жизни так не помог, как она, – и снять фильм о ней. Я начала ее искать и спустя два месяца через частные каналы нашла ее. Она живет в Париже. Я профинансировала ее поездку в Краков, сама приехала из Питера на том же поезде, что и тогда, мы встретились в Кракове, я два дня снимала интервью с ней. Кроме того, я снимала и в Питере людей из питерского «Мемориала», которые дали мне очень интересные интервью. В общем, это пятнадцать часов материала.

Выяснилось, что у этой женщины судьба сложилась очень сложно. Два года спустя после нашего отъезда она уехала на работу в Париж. Работала в архитектурном бюро, знает много языков. Сначала она работала в Париже как архитектор, но потом потеряла работу.

И сейчас у нее безработный муж, двое детей, и она зарабатывает уходом за престарелыми людьми. Ей 50 лет, она очень устает, и теперь моя цель – помочь ей так же, как она когда-то помогла мне. Я запустила акцию – найти ей работу в архитектурном бюро в Париже, и теперь это важный аспект всего проекта.

Наше бегство было спонтанным, мы не знали, где окажемся, оказались в Вене, сели на такси и поехали в американское посольство просить убежище. Нас

вежливо выслушали и сказали, что нам здесь, в Австрии, нужно просить убежище. Потом наша польская подруга села на автобус и вернулась в Краков, а мы остались. Мы прожили на вокзале несколько дней. Примерно девять месяцев провели в лагере для беженцев, ждали убежище и получили его. Потом я пошла работать уборщицей. Затем поступила в университет, окончила искусствоведческий факультет. Тема моей дипломной работы – «Русский перформанс 1970–1980-х». Профессоров, которые специализировались бы на этой теме, не было, но, к счастью, нашлись люди, которые разделяли мой интерес. Я наладила переписку с людьми, живущими и на Западе, и в России. Для меня это был очень познавательный процесс. Я пробовала поступать в Академию художеств еще до университета, но она была очень консервативная, да и я сама еще не была готова со своим опытом ЛСХШ, мне требовалось время пересмотреть свою художественную позицию. Я пошла в академию после окончания университета, я уже сформировалась как человек, художник, и одновременно академия превратилась в совершенно другое место. В тот год, когда я поступила в академию, она изменилась очень сильно: шесть профессоров, которые создавали невыносимо скучную ситуацию, ушли на пенсию, набрали новых людей, создали классы новых технологий, фотографии и т.д. Академия превратилась во что-то очень интересное, и в этот год я туда поступила. Я училась пять лет, потом там преподавала два года, потом получила профессию в Германии. Надо сказать, что у меня абсурдное становление художника. Я окончила искусствоведческий, пошла учиться в академию, и буквально на 1-м курсе был приглашен Харольд Зеeman делать студенческую выставку. Он заметил одну мою работу, а год спустя пригласил на Венецианскую биеннале. Я пыталась писать докторскую по акционизму, но началась моя личная работа как художника, и я забросила. Не думаю, что когда-нибудь к этому вернусь.

Это было очень волнительно и удивительно, и это была вообще моя вторая выставка в жизни, в моей биографии числится маленькая групповая выставка в Индии и потом – биеннале, которая стала большой ступенькой. Начались приглашения отовсюду, мной заинтересовались галереи, кураторы, начались годы очень интенсивной работы.

Видеокамеру подарили родители, когда у меня родился ребенок, чтобы я им посылала касеты, чтобы они видели, как растет дочь, поэтому я стала видеохудожником. Я получила этот аппарат и обнаружила все его преимущества. Хотя в академию я поступала с фотоработами.

Нельзя сказать, что мое искусство автобиографично, но весь багаж опыта я вкладываю

в свои работы. Скорее я русский художник, живущий на Западе.

В Австрии у меня большой круг общения и знакомств, трудно перечислить. В Вене я

сейчас тесно общаюсь с Гией Ригвавой. Когда Александр Бренер и Барбара Шурц жили в

Вене, тоже близко общались. С Юрой Лейдерманом в Берлине и с Вадимом Фишкиным

в Любляне я поддерживаю теплые отношения, хотя и, к сожалению, нерегулярные. Из

русских художников на Западе, в общем-то, и все. Я слежу за русской арт-сценой. Очень

дружу с Ирой Кориной. Учась в академии, я приезжала как студентка на курсы Бакштей-

на, и мы тогда познакомились с Ирой и с людьми с этого курса, и с тех пор я с этой группой

людей общаюсь. Еще дружу с группой АЕС.

Мне кажется, я сформировала некоторые темы в начале и с ними до сих пор работаю.

Иногда появляется что-то дополнительное, но в целом это блоки, которые я продолжаю

анализировать с разных сторон.

Я работала долго с галереей Mezzanin. Сначала она была некоммерческим про-

странством, которое выставило студентов академии – веселые вечеринки и все такое.

А в 1999 году, когда они создали программу галереи и стали представлять художников,

они предложили мне сотрудничество. Тогда большинство были молодые

художники.

Сама галерея была молодая, галеристка моя ровесница, я охотно работаю с женщинами и с людьми моего возраста. Сейчас я перешла в новую галерею – Engholm Engelhorn. И кроме того, у меня есть галерея Johann Widauer, с которой я тоже уже пять лет работаю. Нет галереи, работающей только с видео. Просто подбирается состав художников, которые относятся к одной сцене, но и это необязательно. Чаще важны хорошие отношения между художниками, совместное становление. В Москве сотрудничаю с XL галереей.

Видео сложно продается, сейчас наблюдается определенный упадок на рынке. Я сама удивляюсь, что я могу финансово существовать от своей профессии, у меня никогда не было этой цели. Это хорошо, но финансовый аспект у меня не стоит во главе угла. Видео-искусству сорок лет, даже чуть больше, но все равно кажется, что это молодая технология, потому что многие вопросы ставятся заново – копирайт, тираж и т.д. И давление рынка существует: давай, сделай еще что-нибудь, чтоб на стену...

Я очень люблю московскую художественную среду. Мне кажется, что Москва кипит энергией, и здесь много интересных позиций в интернациональном плане, здесь есть очень сильные, интересные художники. Я приезжаю в Москву и рада общению с людьми. К сожалению, в Питере у меня нет такого, только несколько человек мне интересны в профессиональном смысле. Я уехала в 18 лет и вращалась тогда в других кругах, не художественных.

И только став художником, познакомилась с московской и питерской арт-сценой. И мне кажется, что здесь очень жестко, если сравнивать с Австрией: очень мало грантов, стипендий. Идет серьезная борьба за выживание, и все безумно серьезные – это придает большую искренность местному искусству.

3 июня 2009, Москва

"Русское арт-зарубежье сегодня" 2009